

Пузенко Анастасия 9 класс, 15 лет

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение

«Средняя общеобразовательная школа № 60»

«Развитие классической темы»

Фандом: А.Н.Островский «Свои люди – сочтемся»

«Свои люди – сочтемся»

Новые действующие лица:

Апетов Михаил Михайлович – приятель Подхалюзина

Анкудинов Ксавье Фёдорович - врач

Действие пятое

Спустя два месяца.

Явление первое

(Дом Подхалюзина все так же богат и прекрасен. Подхалюзин устроился в кресле, читая газету. Олимпиада Самсоновна стоит перед зеркалом в новом газовом платье, но выглядит крайне встревоженно.)

Подхалюзин. (откладывая журнал) Алимпияда Самсоновна! Вам что-то не по душе в новом-с платье? Не так хорош фасон, как в бархатном-с? Али цвет какой не такой?

Олимпиада Самсоновна. Помилуйте, Лазарь Елизарыч! С чего вы так решили?

Подхалюзин. Невеселы вы сегодня-с. Глаза ваши печальны-печальны с самого утра-с. Вот и воображаю: быть может, платье вам не понравилось?

Олимпиада Самсоновна. Ох, если бы, Лазарь Елизарыч! Не платье терзает мне душу!

Подхалюзин. А что же-с?

Олимпиада Самсоновна. (После долгого молчания) Снится мне, Лазарь Елизарыч, тятенька мой по ночам.

Подхалюзин. И что же с ним-с?

Олимпиада Самсоновна. Сидит он в долговой яме, худой и больной, да имя моё зовет, да руки мне свои тянет.

Подхалюзин. И от такой выдумки вы так-с грустны?

Олимпиада Самсоновна. Извольте, Лазарь Елизарыч! Смотрю я на своего тятеньку во сне, и что-то в груди... нет-нет, в сердце! Колет больно, словно иглами!

Подхалюзин. Только не говорите, будто вам жаль старика! Не вы ли называли-с его тираном? Самодуром-с?

Олимпиада Самсоновна. (начинает плакать) Вы правы, правы! Но тяжело мне каждую ночь видеть человека, который бесконечно просит спасения!

Подхалюзин. Алимпияда Самсоновна, хватит слез! И знайте-с, что отец ваш не достоин спасенья! Ох уж ваши девичьи настроения-с: вам только найти причину, чтоб поплакать. Помните, Алимпияда Самсоновна, - что было, то уже прошло.

Подхалюзин встаёт с кресла, чтобы взять Олимпиаду Самсоновну за руку, но вдруг резко теряет сознание, падая наземь.

Олимпиада Самсоновна. (Подбегает к Подхалюзину) О, боже мой милостивый! Тишка, беги в город за лекарем! Лазарю Елизарыч плохо!

Действие второе.

(Подхалюзин в бреду, лежит в кровати. Олимпиада Самсоновна стоит поодаль с Апетовым)

Апетов. Для меня большая честь, Олимпиада Самсоновна, познакомиться с супругой моего близкого друга.

Олимпиада Самсоновна. Взаимно, Михаил Михайлович! Как странно, что Лазарь Елизарыч никогда доселе не упоминал вас.

Апетов. Вероятно, не было повода.

Всё молчат

Апетов. (Поворачивая голову в сторону Подхалюзина) Стало быть, Олимпиада Самсоновна, ни один городской лекарь не оказал вам должной помощи?

Олимпиада Самсоновна. Ах, Михаил Михайлович! То не врачи – грабители! Всё требуют от нас деньги, а толку от них самих никакого. Боюсь я, что не на что нам станет покупать новые платья.

Апетов. Не берусь вас пугать, но может выйти и так, что придётся их продавать.

Олимпиада Самсоновна. Храни вас Господь говорить такие слова!

У Подхалюзина начинается жар

Олимпиада Самсоновна. (воркуя у кровати мужа) Что ж это за наказание мне такое! Лазарь Елизарыч слабеет с каждым днем. Неужто нет хорошего медика, что сможет исцелить моего драгоценного мужа?

Апетов. (после недолгой паузы) Знаю я одного человека, будто бы очень умного, что смыслит в таких хворях.

Олимпиада Самсоновна. Михаил Михайлович, почему же вы не изволили сказать раньше? И как же его имя?

Апетов. К моему сожалению, мы виделись с ним очень давно, поэтому мне трудно вспомнить, как величают сего специалиста. Но, думается мне, двадцать пять копеек прояснят мою память.

Олимпиада Самсоновна. (в ярости) Да как вы смеете искать выгоду, когда мой муж присмерти! Ещё и назвались его лучшим другом!

Апетов. Извольте, Олимпиада Самсоновна! Когда на кону стоит жизнь человека, особенно того, что покупает вам предметы роскоши, то какие-то там монеты не стоят ваших истерик. И я уверяю вас, что этот лекарь сразу же излечит Лазаря Елизарыча и ваш муж будет спасён.

Олимпиада Самсоновна. Хватает мне воспитания, Михаил Михайлович, чтобы не назвать вас так, как крутится на языке, но, так или иначе, я принимаю ваше предложение.

Апетов. Вот и славно. Его зовут Ксавье Федорович Анкудинов, я сейчас же отправлю к нему своего слугу, будьте готовы принять его на следующей неделе.

Явление третье

На следующий день, (Все те же, но без Апетова)

Олимпиада Самсоновна. Не лучше ли вам, Лазарь Елизарыч?

Подхалюзин. (хрипло) Лучше, лучше Алимпияда Самсоновна. Того глядите-с, скоро уж встану на ноги.

Олимпиада Самсоновна. Ах, Лазарь Елизарыч, вы лжете! Вы лжете, чтобы успокоить моё сердце. Но знайте: ваш приятель Михаил Михайлович пообещал, что вышлет самого наилучшего врача. Лишь дотерпите до конца недели!

Раздаётся стук в дверь

Олимпиада Самсоновна. Ох, кто же это мог быть в столь ранний час? К тому же, мы никого не ждём на этот день. Схожу, открою.

Явление четвертое

(Олимпиада Самсоновна и неизвестный, спрятавший лицо за шляпой и шарфом)

Олимпиада Самсоновна. Чего изволите?

Неизвестный. Доброе утро, Олимпиада Самсоновна. Насколько я знаю, здесь живёт человек по имени Лазарь Подхалюзин?

Олимпиада Самсоновна. Вы правы. Но зачем он нужен вам? Лазарь Елизарыч не здоров, невиданная хворь приковала его к постели. Боюсь, не сможет он принять гостей.

Неизвестный. Но я не гость.

Олимпиада Самсоновна. А кто же?

Неизвестный. Тот, кого вы ждали – лекарь.

Олимпиада Самсоновна. Так скоро? Ксавье Фёдорович? Проходите.

Анкудинов снимает шляпу и шарф, Олимпиада Самсоновна в ужасе вскрикивает.

Олимпиада Самсоновна. Отец!?

Анкудинов. Всё верно, отец троих дочурок. Но невдомек, причём здесь это.

Олимпиада Самсоновна. Нет, нет! Мой!

Анкудинов. Кто ваш?

Олимпиада Самсоновна. Мой отец!

Анкудинов. (усмехаясь) Постойте-с. Вы что, считаете, что я – ваш папенька? Теперь меня терзают сомнения, а Лазарю ли Елизарычу нужен врач в этом доме? Извольте больше так не шутить, тут дело серьёзное.

Олимпиада Самсоновна. Ох, прошу прощения, Ксавье Фёдорович!

Произошло, вероятно, большое недопонимание. Я сейчас же подготовлю к вашему визиту своего мужа.

Явление пятое

(Олимпиада Самсоновна и Подхалюзин)

Олимпиада Самсоновна. Ох, Лазарь Елизарыч, боюсь, я не в себе!

Подхалюзин. Что случилось, милая?

Олимпиада Самсоновна. Пришёл врач, Ксавье Фёдорович, да не поверите!

Подхалюзин. Что же?

Олимпиада Самсоновна. Лицо у него точно тетенькино!

Подхалюзин. Да неужто-с?

Олимпиада Самсоновна. Клянусь! И глаза, и нос, и губы – вылитый тетенька.

Подхалюзин. (в приступе кашля) Быть такого не может! Этот огрызок собачий уж два месяца, как чахнет в тюрьме.

Олимпиада Самсоновна. Не верите? Сейчас он зайдёт и вы сами все увидите!

В комнату заходит Анкудинов. Подхалюзин удивлённо вздрагивает.

Анкудинов. Ну здравствуйте, Лазарь Елизарыч. Как вы себя чувствуете?

Подхалюзин. (понижив голос) Дышать тяжело-с, Ксавье Фёдорович, да что-то теперь и ноги отнимаются.

Анкудинов. (осматривая больного) Занимательно. И что же, никогда доселе не отнимались?

Подхалюзин. Нет, Ксавье Фёдорович. Вы зашли, и начали от чего-то. Ох, и сердце закололо!

Анкудинов (останавливаясь) А как именно колет?

Подхалюзин. Как иглами! Свинцовыми иглами!

Анкудинов. Да где же вы видали свинцовые-то иглы? (усмехаясь). Кажется мне, Лазарь Елизарыч, что вас поборола и приковала к постели совесть.

Подхалюзин. Совесть?!

Анкудинов. Ваша собственная совесть. Скажите мне, вы много грешили в этой жизни?

Подхалюзин. Извольте, к чему такие вопросы?

Анкудинов. В Вашем положении, Лазарь Елизарыч, нет толка противиться моей помощи. Ответьте честно: сколько злодеяний таит ваша душа?

Подхалюзин. Не думаю, что много. Действовал я так, как нужно было, чтобы выжить.

Анкудинов. Неужто? Так значит, вы не лгали? И не было у вас проявлений мести, вороватости, предательства?

Подхалюзин. Не понимаю, к чему вы клоните.

Анкудинов. Вас прокляли. Свершили вы, предположительно, плохое дело, и кто-то пожелал вам смерти в муках.

Олимпиада Самсоновна. (шепотом) Ах, это маменька моя!

Анкудинов. Что-что?

Олимпиада Самсоновна. Нет, ничего. Мне вспомнилось, что слуга наш, Тишка, забыл помыть полы.

Анкудинов. Хм, ясно... Так, о чем мы? Лазарь Елизарыч, могли ли быть у вас недоброжелатели? ...

(продолжение следует)